

рабочых, заробкі якіх не дазвалялі забяспечыць сваю сям'ю, і дапамагалі задаволіць тыя патрэбы паўсядзённага жыцця, на якія не хапала сродкаў у бюджэце сям'і рабочага. Менавіта дабрачынныя арганізацыі выконвалі функцыю амартызацыя тых супярэчнасцяў, якія ўзнікалі падчас змен у структуры тагачаснага грамадства, калі вялікая частка былых рамеснікаў ці былых сялян магла перайсці ў групу маргіналаў, але захавала свой статус дзякуючы дзейнасці дабрачынных таварыстваў.

Літаратура

1. Дело об учреждении благотворительного общества «Пособие бедным евреям» 1-ой части гор. Витебска «Гмихас Аниим» // НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 320. Л. 5.
2. Дело об учреждении еврейского общества беспроцентной ссуды «Гмилас-Хасодим» в гор. Витебске // НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 100. Л. 33 об., 97.
3. Медицинский и хозяйственный отчёт Еврейской больницы и богадельни в Витебске за 1912 г. – Витебск, 1913. – С. 14–15.
4. Отчёт о деятельности Витебского благотворительного общества за 1913 г. – Витебск: Губернская типография, 1914. – С. 4–5.
5. Отчеты о деятельности обществ и союзов Витебской губернии за 1910–1912 гг. / Витебское губернское по делам об обществах присутствие // НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 485. Л. 199 об.
6. Списки профессиональных обществ и союзов Витебской губернии за 1907 г. / Витебское губернское по делам об обществах присутствие в гор. Витебске // НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 87. Л. 23–25 об.
7. Списки и уставы обществ и союзов Витебской губернии зарегистрированных и утвержденных на основании «Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.» за 1908–1910 гг. // НИАБ. Ф. 2649. Оп. 1. Д. 273. Л. 93.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ ВИЗАНТИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

М. Л. Пупач

В данной статье рассмотрена правоспособность женщины в браке по законодательным памятникам Византии (Эклоге, Институции Юстиниана), которая отразила имущественное право и причины женщины к разводу, несовпадения византийского законодательства с реалиями жизни.

Одним из наиболее важных моментов в семейно-брачных отношениях, которое регулировало византийское законодательство, были брачные союзы, которые и определяли дальнейшую судьбу юной девушки. Не всегда браки оставляли счастливый, благополучный след в жизни жены и матери. Обручение будущей супружеской пары происходило в малолетнем возрасте по согласию обоих родителей. Такие ранние браки неблагоприятно влияли на здоровье женщин, которые становились матерями, не достигнув тринадцати лет [1, с. 164]. В Эклоге, византийском

своде законов VIII века, так же, как и в кодексе Юстиниана VI века, регламентировано заключение брачных договоров, то есть обручения со взносом задатка – приданого, производить с семилетнего возраста и позже, а в своих новеллах Лев VI (IX-X века) указал на то, что обручение не может состояться, пока обоим молодым людям не исполнится пятнадцати лет или тринадцати [2, с. 133–134]. Отец девочки заключал брачный договор, который был обязателен для жениха и регулировал имущественный вопрос, вопрос наследования имущества, и мог устанавливать местонахождение невесты до брака. Большое количество браков заключалось вне зависимости желания вступить в брак самой девочки. Договор носил официальный характер и контролировался государством. В случае расторжения помолвки по инициативе одной из сторон, нужно было выплатить штраф государству при весомых на то причинах и компенсацию противоположной стороне. После свадьбы данное отцом приданое переходило в распоряжение мужа, он мог пользоваться им и расходовать по своему усмотрению, не имея права отчуждать капитала. В VIII веке замужняя женщина имела самостоятельное имущественное право. Это подтверждается в «Эклоге», где “приданое оставалось собственностью жены, а муж рассматривался только как лицо, распоряжающееся им во время семейной жизни, но обязанное возвратить жене приданое в случае расторжения брака” [3, с. 105]. В VI веке жена имела возможность получить специальный иск для судебной защиты своих прав на приданое [2, с. 105–104].

Как и заключение брака, развод в Византии был достаточно сложным и длительным процессом, так как достаточно тяжело было доказать причину так необходимого развода. При этом у мужчины было больше преимуществ, потому что жена должна была во всем подчиняться мужу, любое неповиновение уже могло стать поводом к разводу. По византийскому праву муж мог требовать развода в следующих случаях: “если жена была замешана в заговоре против своего царя или императора и не сообщила об этом супругу; если жена была ему неверна; если она покушалась на жизнь мужа; если она без позволения мужа принимала участие в праздниках с незнакомыми мужчинами или того более мылась с ними в бане; если она без ведома или против желания мужа отправлялась в театр или цирк; если против желания мужа проведет ночь вне дома, где бы то ни было, исключая только родительского дома. В последнем случае закон предусматривал, что если муж выгнал из дому жену, при этом ей некуда пойти, и она переночевала у незнакомых людей, то это не может быть поводом к разводу” [4]. Но в новеллах Льва VI запрещается епископам и клирикам под страхом отлучения изгонять своих жён [2, с. 129].

Жена имела право требовать развода в том случае, когда муж желал смерти жене, покушался на её жизнь, когда он был неверен жене; когда, участвуя в заговоре против императора, жена не знала об этом. Неверность мужа и жены понималась различно. «Во-первых, прелюбодеянием со стороны мужа считалась только связь с посторонней замужней женщиной, а не вдовой или девицей; для жены же всякая незаконная связь считалась прелюбодеянием. Во-вторых, жена могла ссылаться на неверность мужа только в исключительных случаях; единичного факта было мало, нужно было доказать, что муж изменяет постоянно, и даже в таком случае развод давался только после усиленных увещаний родителей жены, когда муж категорически заявлял, что не намерен отказаться от своего преступного образа жизни. Зато закон предоставлял мужу множество поводов к разводу, так как он требовал полнейшего подчинения жены, и в случае малейшего неповиновения с ее стороны, муж мог бросить ее. Пойти на ипподром во время конских бегов, принять приглашение на обед, где будут посторонние мужчины. Все это считалось для жены зазорным; подобные поступки могла себе позволить только преступная жена» [4].

Нужно отметить следующие несправедливости византийского законодательства в отношении женщины. Муж имел право бить жену плетнями или палками (разумеется, в целях её исправления, воспитания), и это никак не могло стать поводом к разводу. Неверную жену отправляли в монастырь, а неверному мужу предоставляли возможность дальше вести распутный образ жизни. Сумасшествие одного из супругов являлось поводом к разводу, но только при данных обстоятельствах моментального развода не могло быть. Муж должен был подождать три года. Если жена не пришла в себя, он имел право расторгнуть брак. Что касается супругов, то её срок ожидания увеличился по сравнению с мужем на два года, и того пять лет ожиданий. Данное правило развода было принято при Льве VI [4]. Причем только вдова должна соблюдать траур по умершему мужу или по своему мужчине, который пропал без вести, хотя при таких печальных обстоятельствах женщина могла повторно выйти замуж. Однако для этого был необходим свидетель, который подтвердил бы клятвой на Евангелие смерть супруга. Но не всегда даже клятва являлась правдой, и тогда женщина попадала в затруднительные положения, когда якобы умерший муж возвращался на Родину.

Несмотря на неполноправное положение женщины в византийском обществе, она защищалась государством и законами. Так, например, Romeйку не могли за частное или публичное преступление отправить в тюрьму, где охранниками являлись мужчины, для того, чтобы она не подверглась бесчестию. Поэтому в основном ссылали в женский монастырь. Её защита проявлялась в том, что женщина освобождалась от на-

казания. Например, если она обвинила своего недоброжелателя, и в случае безосновательности её слов или отказа от обвинений, византийское законодательство не рассматривало женщину в качестве кляузника, и она не подвергалась наказанию за клевету; тогда, когда мужчина получал обвинения по всей строгости закона [5, с. 6–7]. По Византийскому законодательству, а именно в большей степени по Эклоге, главная социальная роль женщины заключалась в рождении детей. Поэтому закон запрещал под страхом телесного наказания и изгнания из родных мест всяческие избавления от ребёнка [3, с. 71–72]. Уличённая в супружеской неверности, женщина не могла выйти повторно замуж в том случае, если невинная девушка добровольно согласилась вступить в близость, то мужчина обязан был жениться на ней, в случае отказа, по закону возмещал ущерб уплатой золотом.

В тоже время в судебных документах той эпохи можно найти примеры, когда отдельным представителям высших слоев византийского общества удавалось обойти строгие законы и избавиться от суровых наказаний за преступления против женщин. К примеру, чиновник Имерий, сын Соломона, который занимал невысокий чин протоспафария, влюбился в юную девушку, дочку протоспафария Тихиота, и соблазнил её. Разумеется, отец не знал этого, узнав о трагическом для него происшествии, что дочь беременна, пришёл в бешенство и потребовал, чтобы Имерий женился на ней. Имерий, услышав об этом, с радостью взял за руку юную девушку и повел в храм, где публично дал клятву жениться на дочери Тихиота. Но отец Имерия Соломон был категорически против данного брака. Не нужно забывать, что по законодательству вступление в брак-венчание не разрешается, тогда, когда хотя бы один из родителей против. К большому сожалению и к радости для молодых людей, Соломон через некоторое время умер. И венчание стало возможно, но Имерий теперь отказался связывать себя узами брака с данной особой, полюбив другую девушку. Что же в такой ситуации делать отцу? Тихиот подал иск в суд, который возбудил уголовное дело против сына Соломона, в так называемом суде на ипподроме. Представители власти долго совещались и не могли прийти к единому мнению и соглашению в выносе приговора, и прежде всего в статье, по которой Имерий будет обвинён. Судьи в такой сложной ситуации обратились к императору, который принял решение женить Имерия на дочери протоспафария Григория, скорее всего тоже им соблазнённую. А с делом Тихиота император постановил еще раз разобраться и провести повторное расследование. Началось повторное дело. Одни судьи придерживались того, что надо применить статью закона об изнасиловании, по которой виновный должен караться телесным наказанием и денежным штрафом. Другие счи-

тали, что вполне достаточно штрафа и статьи: «Если кто вступит в связь с девушкой с её согласия, но без ведома родителей, и по обнаружении этого факта захочет на ней жениться, пусть женится, если родители согласятся. Если же отцы обеих сторон не согласны на брак, соблазнитель должен уплатить девушке литру золота, в случае он богат, в случае же не богат, половину своего состояния, а если он совсем беден, бить его плетьюми, выбрить голову и сослать» [6, с. 172].

Среди судей был талантливый и знаменитый юрист XI века Евстафий, который решил посмотреть на эту ситуацию с другого ракурса. И вынес очень интересный вердикт, который заключался в том, что Империй ворвался без дозволения хозяина в дом, следовательно, Тихиоту было нанесено по закону Византии оскорбление. В итоге мы видим картину не преступления против нравственности, а нанесение обычного оскорбления, разумеется, за которое предусматривалось менее высокое наказание, как требовал его поступок. Например, Империю могли вырвать ноздри, а в этом случае суд постановил: выплатить два денежных штрафа Тихиоту и его дочери. Так искусно Евстафий обыграл ситуацию, потому что ему нужно было выполнить повеление императора, а в данном обвинении Империй, который нанёс оскорбление человеку, не может породниться с ним [6, с. 164–173].

Из этого судебного дела нам становится видно, что даже строжайший закон, который защищает честь девушек при умелых и хитрых подходах к разным родам ситуациям, мог превратиться в самый, что ни на есть снисходительный закон. И быстро у византийцев страх перед суровым наказанием за совершение насилия над девушками пропал, если у них хватало денег заплатить штраф. Действующее византийское законодательство защищало права женщин, но наделяло большими правами мужчин, позволяя им обойти закон учитывая свои жизненные интересы.

Литература

1. Институты императора Юстиниана. – Типография М.М. Стасюлевича, Вас. Остр., Санкт-Петербург, 1888.
2. *Троянос*. С. Новеллы Льва VI и правовая жизнь православной церкви // С. Троянос: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – Том.1, №18. – М., 2008. – С.127-135.
3. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века. – Издательство «Наука», главная редакция восточной литературы. М., 1965. – 228 с.
4. *Безобразов, П. В.* Черты византийских нравов и культур. Положение женщины. – Выпуск 1, Москва, 1893.
5. *Когут, Е. В.* Социально-экономический аспект правового положения женщины в палеологовской Византии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2014. – №2. – С.4-12.

6. *Безобразов, П. В.* Очерки Византийской культуры. – Издательство «Огни», Пет-роград, 1919. – 179 с.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ШЛЯХЕТСКОГО БАЛА
НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОН. XVIII – СЕР. XIX вв.:
ПОДГОТОВКА БАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
И ПРИГЛАШЕНИЕ ГОСТЕЙ**

Д. К. Раков

В историографии и художественной литературе при рассмотрении темы бала интерес авторов обращен, прежде всего, к этапу его проведения, а вместе с тем такому важному аспекту бальной культуры как организация бала не уделяется должного внимания, и этот вопрос недостаточно освещен в историографии.

Бал как праздничное событие состоял из двух взаимосвязанных частей – **организации и проведения**. Организаторы бала или те лица, в честь которых давался бал, именовались «хозяин» и/или «хозяйка бала». Программа бала составлялась хозяином бала, танцмейстером или маршалком двора, а для того, чтобы избежать суеты и недоразумений, на публичных балах эту программу заранее вывешивали в танцевальном зале [18, с. 122; 12, с. 263]. Составление программы включало определение последовательности танцев [26, с. 235], продолжительности перерывов и наполняемости их разнообразными развлечениями [15, с. 385]. Устройство бала требовало от его организаторов определенных усилий, прежде всего финансовых. Если бал был придворным или частным, то расходы на его организацию и проведение осуществлялись в первом случае, как правило, из казенных средств, определенных на содержание двора и придворных мероприятий, во втором – самим частным лицом (его семьей). Если бал был публичным, то расходы покрывались за счет гостей, изъявивших желание участвовать на балу и внесших необходимую для этого плату. Поэтому деятельность по организации и проведению публичных балов, которые на землях Речи Посполитой имели название редуты и касины, часто имела коммерческий или благотворительный характер [16, с. 47]. Насыщенным временем проведения балов, являвшихся наиболее привлекательными среди развлечений, был начавшийся осенью т.н. «бальный сезон», который получал развитие зимой, а заканчивался с приближением лета, что было связано с пребыванием большого количества шляхты в городах. Во время постов развлечения, как правило, не проводились, однако известны и отхождения [21, с. 288; 24, с. 405–406].

Расходы на организацию бала включали следующие позиции: